

УДК 821.111

**«ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»
В РОМАНЕ Х. ДУЛИТЛ «ВЕЛИ МНЕ ЖИТЬ»**

канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР
(Полоцкий государственный университет)
n.nester@psu.by

На материале романа Х. Дулитл (Hilda Doolittle, 1886–1961) «Вели мне жить» (Bid Me to Live, 1960) рассматривается понятие «потерянное поколение». Проанализированы и прокомментированы фрагменты, в которых раскрываются разносторонние подходы к трактовке «потерянного поколения», реализуемые в контексте данного произведения. Х. Дулитл не принимала непосредственного участия в военных действиях, поэтому в ее романе мы не находим изображения сражений, писательница решает военную тему сугубо в психологическом ключе. «Потерянное поколение» для Х. Дулитл навсегда осталось фронтовым, однако никогда не было потерянным, скорее выброшенным из пространственно-временного континуума.

Ключевые слова: литература «потерянного поколения», Первая мировая война, трагедия поколения, личная драма Х.Д.

Введение. Литература «потерянного поколения» сложилась в европейской и американской литературе в первое послевоенное десятилетие (1929), когда были изданы «Смерть героя» Р. Олдингтона [6], «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка [7] и «Прощай оружие» Э. Хемингуэя [11]. К этому своеобразному «триптиху», посвященному Первой мировой войне, можно добавить роман Х. Дулитл «Вели мне жить», сюжетом для которого послужила история, рассказанная в «Смерти героя».

Имя Х. Дулитл исследователи не связывают с литературой «потерянного поколения». Х.Д. – американская поэтесса, чьи сборники примечательны тем, что созданы под влиянием античной мифологии. Единственный и широко известный во всем мире роман «Вели мне жить» Х. Дулитл писала практически на протяжении всей жизни. Х.Д. начала роман в 1921 году и работала над ним с перерывами вплоть до 1950-х гг. Сюжетное ядро романа составили события 1917 – начала 1918 гг., объединившие трагедию поколения и личную драму поэтессы. В «Вели мне жить» под вымышленными именами скрываются реальные прототипы: Х. Дулитл (Джулия Эштон), Р. Олдингтон (Рейф Эштон), Д.Г. Лоуренс (Фредерико/Рико), Фрида Лоуренс (Эльза), Дороти Йорк (Белла/Арабелла), шотландский композитор Сесил Грей (Ванио/Вана), американский писатель русского происхождения Джон Курнос (Иван Левски), Бриджит Пэтмор (Морган Ле Фе).

Относить роман Х. Дулитл к литературе «потерянного поколения» или не относить – у той и другой позиции находятся свои сторонники и противники. Однако с полной уверенностью можно сказать, что произведение Х.Д. действительно о Первой мировой, так как все события в романе так или иначе подчиняются военным событиям. Х. Дулитл не принимала непосредственного участия в военных действиях, поэтому в ее романе мы не находим изображения сражений, писательница решает военную тему сугубо в психологическом ключе.

Основная часть. Тема потерянного поколения красной нитью вплетается в ткань повествования, занимая центральную позицию всего произведения. С первых страниц романа американская писательница рассуждает по поводу поколения, канувшего в Лету: «What was left of them was the war generation, but lost actually in fact, doomed by the stars in their courses, an actuality, holocaust to Mars, not blighted, not anaemic, but wounded, but dying, but dead»¹ [1, p. 8]. Они казались себе пешками в чьей-то игре, в вечном неустойчивости мира, вынуждены были скитаться в поисках относительно мирного пространства в смертельном хаосе войны. Кто-то шел на фронт в поисках хоть какой-то определенности, кто-то спасался в тылу, пытаясь погрузиться в омут безутешных увеселений, чтобы хотя бы на время забыть и не слышать глухих отголосков войны, доносимых буквально отовсюду – в проходящих мимо фронтовых эшелонах, фронтовых письмах, отзвуках канонады.

Герои романа, как представители «потерянного поколения», все события в своей жизни связывали с войной, которая была своего рода точкой отсчета: «Nobody was to blame for anything, or the war was to blame for everything. This was the new note, the new dimension, this was not-war. This was a Vane, a young musician, who did not talk of war. This was another set to be reckoned with or rather something from the outside to pull her away from the old crowd. There was Ballentyne in Ireland; there was de Meroff, a young Russian in

¹ «Нет, то поколение навсегда осталось фронтовым – не потерянным поколением, а посеянным на поле брани, проклятым звездами и оставленным, брошенным под ноги богу войны. Они не сдались, не сломались, но их контузило, они ранены, – они у последней черты» [2, с. 28–29].

the censor's office, whom Vane had had in, a friend too of Rico's. Those were people, only indirectly concerned with this war. She would go way»² [1, p. 116]. Все эти люди, так или иначе причастные ко всему происходящему, понимали, что с ними что-то происходит, и объяснением всему этому могла служить только война.

Останавливаясь на незначительных деталях, Джулия стремится подчеркнуть важность мельчайших подробностей в жизни каждого человека, когда память связывает время, будто разделенное на две части: «Elsa fumbled along the mantel-edge for matches. 'I got some of my very own old time fags,' she said, 'like old times, pre-this-damn-war, Bella found me in the shop.' Elsa found matches, she fumbled in her handbag for the packet of cigarettes, she lighted a cigarette like a booted Uhlan. She puffed smoke through her nostrils»³ [1, p. 83]. Джулия отмечает все изменения, которые претерпели герои с началом войны: Эльза ругает войну, рада любимым довоенным сигаретам, Рико лишился крова, на его лице первые признаки чахотки.

Размышляя о судьбе своих друзей и знакомых, Джулия приходит к выводу, что каждому из них – Белле, Моргану, Рико, Эльзе – уготован «геометрически правильный, иерархически организованный круг ада». Они не могут опережать время и жить в мире, которого еще нет, и, возможно, по мнению Джулии, уничтоженные бомбежкой, продолжают существовать в виде миража или отражения. Джулия вспоминает, как еще до начала войны они с Рейфом произносили молитву о согласии души и тела, однако, когда война началась, говорить о согласии уже не приходится: «That prayer they quoted (from Plato, was it?), And may the inner and the outer be at peace. Here, certainly there was no peace, or peace so hardly won in these rarer moments of fulfillment that they became worlds ahead...»⁴ [1, p. 72 – 73]. Однако со временем, по мере того как война подбиралась все ближе и ближе, поглощая Джулию всю без остатка, она осознала, что нить, связующая душу и тело, может порваться. Она жила в мире собственных грез, где хранился, словно талисман, образ Рейфа, позволяющий ей существовать в другом измерении – в мыслях и мечтах. Х. Дулитл акцентирует внимание на пагубном воздействии трагического опыта войны на судьбы героев. Автор ставит их перед нравственной дилеммой – забыть (Белла) или «нести» с собой войну (Джулия). Согласно авторской концепции, война приносит страдание всем ее участникам, независимо от их нравственной позиции. Соперницу Беллу Джулия относит к числу тех людей, которые бросаются в любовный омут с головой: «Bella had flung in her lot with a war-battered minority (or majority)»⁵ [1, p. 9]. Белла словно живет в собственном мире, лишенном несчастий и страданий, для нее Рейф – очередной любовник, молодой офицер в краткосрочном отпуске. Буквально сразу после начала войны Джулия узнает, что ждет ребенка: «The war was not yet a week old and the child that she was just bearing only a few years old»⁶ [1, p. 140]. Известие о ее беременности и встреча с Рейфом практически совпали, а еще они совпали с началом войны, той самой войны. 1914 год стал для нее символическим в том плане, что разрушительная, всепоглощающая людские жизни война забрала и ее мертворожденного ребенка. Джулия словно сама умерла, проведя три недели в родильном доме, чтобы потом вернуться к супругу совершенно другим человеком. Как проклятие звучали в ее ушах слова старшей акушерки: «You know you must not have another baby until after the war is over»⁷ [1, p. 25]. Для нее это был как вынесенный приговор, потому что она хотела родить ребенка от любимого человека, в котором воплощалось для нее все – родина, семья и общение.

Все же война незримо «присутствует» на страницах книги. Так, в переписке Рейфа и Джулии лишь бегло очерчено «присутствие» войны: «In a moment something would come right, even in this room. Even in this room, the old charm, even early on a war-Sunday morning in war-ridden city, in a city of – of – *mist and mellow fruitfulness*. Well, yes it had been that, anyway, everything came to me here, here I had everything. How could anyone imagine that I would go back to America & Here I found – found – found – There was the packet of letters on the floor where they had slipped when she jerked out of the bed. His name and no stamp.

² «Некого винить: никто ни в чем не виноват. Кругом виновата одна война. В этом было что-то новое, небывалое – перестать отсчитывать от войны. Ван, молодой композитор, не считал нужным говорить о войне. Этого было достаточно, чтобы заинтересовать ее и даже отвлечь от старой компании. Появились какие-то новые люди: Бэллентайн в Ирландии, де Мерофф, русский юноша, которого Ван устроил в комитет по цензуре, кстати, тоже друг Рико, – и что самое интересное, эти новые ее заочные знакомые тоже далеки от войны. Нет, надо уезжать» [2, с. 178].

³ «Эльза пошарила рукой по каминной полке, ища спички. «Представляете, нашла мои любимые, еще довоенные бычки!» – сказала она. – «Доброе старое время. Когда не было этой проклятой – будь она неладна! – войны. Это Белла молодец – выискала для меня!» Эльза, наконец, нашла коробок, потом запустила руку в свою бездонную сумку и извлекла пачку сигарет. Прикурила, как гусар, – стоя, по-военному, выпуская дым через ноздри» [2, с. 131].

⁴ «Когда-то они повторяли молитву (из Платона, не так ли?): «И да пребудут в согласии душа и тело». Какое уж тут согласие? – кругом война. А если и наступает мир, то в такие редкие мгновения полноты и с таким невероятным трудом он отвоевывается, что и впрямь становится миром, которого еще нет» [2, с. 117].

⁵ «Белла пыталась забыть – она, не раздумывая, бросилась в любовный омут, как поступала меньшая (а может, большая?) часть уставших от войны женщин» [2, с. 30].

⁶ «Шла первая неделя войны, и ребенку, которого она носила под сердцем, было всего несколько недель» [2, с. 213].

⁷ «Знаете, милочка, пока идет война, вам лучше не рисковать, не заводить второго ребенка» [2, с. 50].

«Remember, you always forget, you need not waste stamps on letters out here»⁸ [1, p. 40]. Джулия словно пробуждается от давних воспоминаний, о том, что она узнает о войне из фронтовых писем Рейфа, и начинает размышлять о том, что она делает – а ей остается только встречать и провожать фронтовые составы, наткнуться на шеренги покалеченных солдат, возвращавшихся с фронта.

Рико пытается вырвать Джулию из пучины воспоминаний и настроить ее на позитивный лад, обратить ее к творчеству, к написанию стихотворения, посвященному Рейфу: «Dear Julia, There is no use trying to believe that all this war really exists. It really doesn't matter. We must go on. I know that Rafe will come back. Your frozen altars mean something...»⁹ [1, p. 51]. Днем Джулия еще спасается от навязчивых мыслей о Рико, а ночью, ожидая предупредительного сигнала воздушной тревоги, чувствует себя незащищенной: «And to-night was to-night, and even to-night was not entirely secure. Unconsciously, she was alert; she was waiting for the sound of the warning, of the air-raid warning. Her outer mind, frozen on the top, would go on quietly, this day and this day. But underneath, she was shot to bits – they all were – waiting for the end. The war will never be over»¹⁰ [1, p. 71]. Пытаясь оправдать уход Рейфа на фронт, Джулия вспоминает довоенные годы и старается найти причину того, что заставило его страдать еще до войны: расшатанные нервы, ежеминутно ощущаемая брутальность происходящего. Рейф сделал осознанный выбор, предпочтя просиживанию в конторе уйти добровольцем на фронт. Джулия, казалось, смирилась с этой мыслью: «It was shut in her as other things were shut in her because 'the war be over'. (The war will never be over)»¹¹ [1, p. 13], продолжая жить среди воспоминаний о Рейфе, среди предметов и книг, связанных с ним. Кажется, что Джулия настолько поглощена мыслями о Рейфе, что ей никакого дела нет до того, что происходит на фронте. Ведь героиня живет от побывки до побывки супруга, а когда он рядом – все остальное для нее не имеет никакого значения. Несмотря на размолвку Рейфа и Джулии, они по-прежнему ощущают духовное единение, однако быть вместе уже не могут, так как место Джулии уже заняла другая – Белла. Тем не менее, Рейф не желает окончательно разрывать отношения с Джулией, оставляя все на конец войны, когда будет какая-то определенность: «He had said this before. He had said, «When the war is over, you must give the Captain a fresh chance». Then he had said, «You can't stay here another leave of the Captain's, it's suicide». It would be suicide, she now decided, to stay one more leave of the Captain's/ But she would stay just one more leave (would there be just one more?) and clear up the situation, that would never be cleared up; but she said, 'I'd like to wait just one more leave; then if things aren't any – different, I will come'»¹² [1, p. 115]. Все события в жизни Джулии разделились как будто на до и после войны: вот она держит в руках бокал с вином из винограда, выращенного еще до войны на материке, в другой части света, но тепло прошлых урожайных лет согревает ей руки до сих пор.

Переезд в Корнуолл многое меняет в жизни Джулии. Природа этого места благоприятствовала переосмыслению событий последних лет, поэтому житейские невзгоды военного времени, годы вынужденного бездействия, которые принесла с собой война, сменились для героини неким созерцанием настоящего и обретением себя. В последних строках романа Х. Дулитл, хотя и пишет о неопределенности

⁸ «Что-то хорошее обязательно случится – не может не произойти. Ну и что, что комната кажется чужой? Они так мало были здесь вместе, и все равно даже сейчас, в это тревожное воскресное утро, в городе, пропахшем войной, городе... «плодоношенья и дождей», – чувствуется прежнее очарование. Что ж, так все и было. Здесь я все обрела, здесь у меня было все. Зачем же они в один голос говорят, чтоб я возвращалась в Америку? Ведь именно здесь я нашла... я открыла... Взгляд упал на разбросанные по полу письма: видно упали, когда она резко вставала с постели. На конверте ни адреса, ни марки – только его имя. «Послушай, я много раз тебе объяснял: на фронтовые письма марки наклеивать не нужно – а ты каждый раз забываешь» [2, с. 70–71].

⁹ «Дорогая Джулия! Надо перестать убеждать себя в том, что эта проклятая война действительно существует. На самом деле, она не имеет никакого значения. Мы должны жить дальше – это главное. Я знаю, Рейф обязательно вернется. В твоих озябших алтарях что-то есть...» [2, с. 87]. Однако героиня продолжает оставаться в плену собственных грез, ведь война подбиралась все ближе и ближе, поглощая Джулию всю без остатка, грозя порвать нить, связующую душу и тело: «Ей стало страшно, она попыталась настроиться на другую волну – ту, где она могла хранить в себе образ. И получилось так, что образ этот, талисман, воплотился в Рико. Да, верно, она любила его, только любовь эта существовала в другом измерении, помимо тела, – в мыслях, в мечтах...» [2, с. 111].

¹⁰ «А ночь как ночь: разве кто-нибудь чувствует себя ночью в полной безопасности? Днем она казалась внешне спокойной: еще один день прошел, наступил другой. Но внутри, под холодной оболочкой видимого спокойствия, она чувствовала себя – как все – расстрелянной в упор, стоящей у черты. Войне не видно конца» [2, с. 114–115].

¹¹ «Она его в себе похоронила до поры до времени, как хоронила многое другое, – «когда-то ведь война кончится» (никогда она не кончится!)» [2, с. 35].

¹² «Он и раньше предлагал ей. Говорил: «Вот закончится война, и вам с капитаном надо будет начать с чистого листа». Иногда советовал поспешить: «Вам нельзя здесь оставаться до следующего приезда капитана – это самоубийство». Она теперь это и сама видит: ей не пережить еще одну его побывку. И все же она хотела бы дождаться его в последний раз – и все выяснить. То, что решить ничего не удастся и ситуация тупиковая, она, конечно, знала... И все же настаивала: «Дождись его в последний раз; если ничего не изменится, я приеду» [2, с. 177].

будущего, однако предчувствует скорый конец войны, говорит об избавлении от страха перед воспоминаниями о прошлом, готовностью жить настоящим, где есть место и новым чувствам.

Заключение. «Потерянное поколение» для Х. Дулитл навсегда осталось фронтовым, однако никогда не было потерянным, скорее выброшенным из пространственно-временного континуума. Каждый из представителей «потерянного поколения» приспособлялся к сложившимся обстоятельствам по-своему: кто-то, как Рейф, уходил на фронт, или, как Джулия, находился в тылу в ожиданиях фронтовых писем и побывок супруга, или, как Белла – в постоянном поиске новых чувств. Однако большинство людей, пребывающих в тылу и на фронте, были лишены настоящего и надежды на будущее, им оставалось только «ворочить» былые воспоминания и жить в плену своих грез и мечтаний. Трагедия потерянного поколения и личная драма Х.Д. совпали – с началом войны Джулия узнает о своей беременности, однако переживания героини, неустроенность мирового порядка не могли дать начало новой жизни. Поэтому собственные переживания Джулии по поводу смерти ребенка и ухода Рейфа на фронт становятся для нее целым испытанием, позволяющим, в конце концов, обрести веру в себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. H.D. Bid me to live (A madrigal) / H.D. – New York : The Dial Press, 1960. – 184 p.
2. Дулитл, Х. Вели мне жить. Мадригал / Пер. с англ., вступ. статья, коммент. Н. Рейнгольд. – М. : Б.С.Г.-ПРЕСС, 2005. – 302 с.
3. Антипова, И.Л. Роман Хильды Дулитл «Вели мне жить» и Ричард Олдингтон / И.А. Антипова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 10. – С. 34–37.
4. Кротков, А. Попойка в сумасшедшем доме. Потерянное поколение снаружи и изнутри [Электронный ресурс] / А. Кротков // Независимая газета. – 2005. – 20 окт. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/lit/2005-10-20/4_ropoika.html. – Дата доступа: 15.04.2016.
5. Нестер, Н.В. Античные образы и мотивы в романе Х. Дулитл «Вели мне жить» / Н.В. Нестер // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2014. – № 10. – С. 16–21.
6. Олдингтон, Р. Смерть героя. Роман / Пер. с англ. Норы Галь; прим. Д. Шестакова / Р. Олдингтон. – М. : Худож. лит., 1976. – 320 с.
7. Ремарк, Э.М. На Западном фронте без перемен. Возвращение: Романы / Э.М. Ремарк; пер. с нем. Ю.А. Афонькина. – Минск : Выш. шк., 1982. – С. 5–168 с.
8. Рейнгольд, Н. Нимфа на такси: киноверсия «джазового» романа. Литературно-биографический очерк / Н. Рейнгольд // Дулитл, Х. Вели мне жить. Мадригал / Пер. с англ., вступ. статья, коммент. Н. Рейнгольд. – М. : Б.С.Г.-ПРЕСС, 2005. – С. 5 – 21.
9. Рейнгольд, Н. Потерянное поколение глазами женщины: Ричард Олдингтон, Эзра Паунд, Уильям Карлос Уильямс, Фрейд и другие герои / Н. Рейнгольд // НГ EX LIBRIS. – 2005. – Июль (№ 25).
10. Ряковская, Е. Хильда Дулитл и Эзра Паунд: движение по линиям судьбы. Биографический очерк [Электронный ресурс] / Е. Ряковская // Контекст-9. Литературно-философский дайджест-альманах. – 1998. – № 3. – Режим доступа: [http://vmg.pp.ua/books/Гуманитарное/Философия/\(ihtik\).htm](http://vmg.pp.ua/books/Гуманитарное/Философия/(ihtik).htm). – Дата доступа: 11.03.2013.
11. Хемингуэй, Э. Прощай, оружие! / Э. Хемингуэй; пер. с англ. Е. Калашниковой. – Минск : Выш. шк., 1977. – 272 с.

Поступила 09.06.2016

«LOST GENERATION» IN THE NOVEL «BID ME TO LIVE» BY H. DOOLITTLE

N. NESTSER

On a material of the novel H. Doolittle (1886–1961) «Bid Me to Live» (1960) discusses the concept of «lost generation». Commented and analyzed the fragments, which discloses comprehensive approaches to the interpretation of the «lost generation», implemented in the context of this work. H. Doolittle did not accept direct participating in military operations, therefore, in her novel we do not find the image of battles, writer decides a military theme especially in the psychological key. «Lost Generation» for H. Doolittle forever remained front, however never was lost, and rather thrown out from a spatio-temporal continuum.

Keywords: literature of the «lost generation», the First World War, the tragedy of the generation, the personal drama H.D.